

Это впечатляет! Джон бродил по Северу целых два дня и прекрасно проводил время. Иногда он так и поступал: собирал вещи, брал лошадь и выезжал из крепости, чтобы осмотреть окрестности, но никогда так надолго и так далеко. Было бы только лучше, если бы Робб был с ним, но ненадолго — Джону нужно было побыть одному.

Отец должен волноваться.

Бах. Ему было все равно. Отец просто стоял и бездельничал, пока его жена-ведьма приставала к нему. Джон все равно был ублюдком, верно? Следовательно, он может делать все, что захочет. Да, это звучит хорошо для него.

Иногда это могло быть опасно, но Джон был достаточно умен, чтобы хорошо спрятаться и уклониться от этого. Как сейчас. Эти следы впереди означали, что здесь недавно проходила стая волков, в сторону дремучего леса. Лучше придерживаться пути возле скал. С другой стороны, возможно, лучше вернуться домой. Он отсутствовал уже два дня и хотел идти дальше, но его провизия была скудной: ни хлеба, ни сыра больше не было, только вяленое мясо и пара стрел, оставшихся после встречи с медведем. Медведь был маленький, Джон был на безопасном расстоянии на вершине дерева и использовал свой лук, чтобы отпугнуть лучших, однако, если бы это случилось снова, стрел не хватило бы. Я обязательно должен вернуться.

Не успел он повернуть коня, как его охватило ощущение. Это было похоже на тягу к чему-то или реверберацию чистой воли, которая просила его подойти ближе. Если бы Джон мог перевести это чувство словами, это звучало бы как «Мы здесь» или «Найди нас».

Он огляделся вокруг и никого не нашел. Да и не следовало бы, потому что не было никаких звуков, а только порыв, доносившийся до него, согревающий его грудь. Откуда это исходило? Ему стало не по себе; они чувствовали отчаяние.

«Семья». Вот что он понял; такая сенсация среди семьи. Или это была «надежда»? Сложно сказать...

Должно быть, он сходит с ума. Джон мог делать некоторые странные вещи, вещи, о которых он никогда никому не говорил. Ощущение чужих чувств было новым. Тем не менее, прежде чем он успел остановиться на этом, он нашел его: широкий проход прямо впереди в скалах. Тот, кто играет с ним, должен быть внутри этой пещеры.

Может это колдун? Что делать, если колдун? Тот путешественник рассказывал нам о колдунах, но я ему не поверил. Джон сожалел, что смеялся над рассказами о торговцах в залах Винтерфелла, если бы он только выслушал, то знал бы, что делать. Сражаться с колдуном, наверное, было не очень хорошей идеей, но всего лишь небольшой пик, и он сможет передать информацию отцу.

Он привязал свою лошадь к дереву и оставил большую часть своих вещей в седельной сумке. Только фляга и меч должны будут сделать это. Вход был высоко в овраге, ему пришлось подняться примерно в пять раз больше своего роста, чтобы добраться до него. Джон использовал лианы и корни, растущие из земли, чтобы подтянуться, стараясь крепко схватиться и проверить, выдержит ли он его вес. На высоте около четырех метров одна из лиан оторвалась, и Джон чуть не упал, вовремя ухватившись за другую. Он посмотрел вниз, не решился ли кто вдруг появиться, и услышал его испуганный девичий визг, но там была только его лошадь, молча осуждающая его.

"Прекрати это! То, что я делаю, не глупо, да? Он сообщил своей лошади, но зверь заржал, смеясь ему в лицо.

"Это не! Я знаю, что лазать по ущельям без веревки или без помощи кого-то звучит глупо, но... — Он не знал, как продолжить. "Знаешь что? Занимайся своими делами, любопытный мул...». Эта чертова лошадь все равно осудит его, несмотря ни на что; лучше продолжай лезть.

Наконец он добрался до входа и увидел только огромную и широкую пещеру, в которой не было ничего, кроме обломков. Это могла быть берлога, но она была слишком чистой: ни костей, ни остатков пищи, ни навоза, ничего. Там даже негде было кому-то спрятаться, потому что все скальные образования были разбиты, как будто огромное существо ходило вокруг и крушило все на своем пути. Джон немного исследовал, но, насколько он мог судить, вся работа была напрасной.

«Ближе, ближе».

Опять этот рывок... «Ты где?». Пещера повторила его вопрос, но он оказался совсем один. В углу я что-то чувствую. Он подошел к краю пещеры и зарылся в грязь.

Ничего, больше в сторону.

После нескольких попыток он их нашел: два яйца, одно темно-синее, а другое золотое. Красивый и... большой, размером с две его ладони, более или менее. Или могли быть странными камнями, так как они были тверды как камень. Однако его инстинкт кричал, что это были яйца, похожие на камни, с крошечной чешуей и теплые на ощупь. Должно быть, они от какой-то огромной странной курицы.

«Семья» . Он снова ощутил это приятное чувство, за которым последовало нечто более горячее и дикое: «огонь».

«Эй, эй! Что ты? Ты пытаешься мне что-то сказать? — спросил он у яйца, трясаясь, словно пытаюсь добиться ответа.

Боги, он разговаривал с яйцами. Никто никогда не узнает, он скорее смерть. Если Теон... Нет, это была слишком ужасная мысль.

Тоска прекратилась. Теперь они казались довольными; Джон чувствовал их счастье. Что ж, хранители искателей, отныне это его яйца, и они будут очень хорошо спрятаны в его комнате.

Джон стоял на краю утеса, пытаясь найти способ спуститься с двумя яйцами. Они были тверды, как камень, так что, возможно, он мог бы просто бросить их туда, не треснув. Как бы то ни было, ему не хватило смелости проверить свою теорию. Он снял с себя майку и на всякий случай привязал тканью яйца.

По пути вниз Джон совершил ту же ошибку с той же кровавой лозой, которая раньше доставляла ему проблемы. На этот раз спасения не было, и Джон упал с четырех метров, приземлившись себе на руку. К счастью, ему удалось ухватиться за несколько лоз на падении, так что удар был не таким сильным, но его рука чертовски болела, и он не мог ею пошевелить. Семь адов , подумал он, слезы льются от боли, он сломан.

Папа... я хочу отца...

Лошадь подбежала ближе и ударила его мордой по плечу. Я же говорил тебе , лошадь как бы

говорила ему. Джон забрался на спину, изо всех сил пытаясь преодолеть боль; ему нужно было быть сильнее, чем когда-либо, это будет долгий путь обратно в Винтерфелл.

ЭДДАРД. Наглость этих сопляков.

Винтерфелл - 295 AL.

Нед вышел из покоев мастера Лювина вместе с Джоном, чью сломанную руку только что перевязали, и думал, что делать с паршивцем. Этот маленький ублюдок, как правило, воровал любое оружие, еду и лошадей, до которых мог дотянуться, и исчезал на целый день, особенно когда пытался избежать наказания за что-то, что он сделал. Никакие разведчики не смогли выследить мальчика, когда он проделывал этот трюк. На этот раз это было два дня, и Нед был на грани приступа паники.

Когда сэр Родрик сообщил ему, что его сын вернулся, Эддард был готов запереть его в башне и выбросить ключ, но мальчик снова опередил его, держа свою сломанную руку. Джон просто смотрел на него с болью и слезами своими большими бледно-серыми глазами — серебристыми, как у Лианны, — и Нед забыл о своем гневе.

В конце коридора Джон повернул налево, собираясь пройти в свою комнату, но Нед остановил его на пути.

— Не так быстро, Джон. Мы идем в кабинет. Мальчик открыл рот, чтобы ответить, но Эддард не дал ему шанса. "В настоящее время." — приказал он нетерпеливо.

Они вошли в комнату, и Джон сел возле стола, опустив голову на колени. Он все еще был онемевшим после долгого путешествия в одиночку со сломанной рукой — травматический опыт для двенадцатилетнего подростка. Его выходы должны были прекратиться, но Нед не знал, как это сделать. Он уже пытался наказывать, угрожать, лишать еды и времени с друзьями... Ничего не получалось.

— Ты хоть представляешь, как я волновался? Он вздрогнул, но сын отказался говорить и почти не смотрел на него. — Джон, я с тобой разговариваю.

Джон поднял голову и тихо пробормотал. "Много..."

«Да, много. Ты так быстро пытаешься отправить меня к остальным в склепы? Что творилось в твоей голове, чтобы исчезнуть на два дня?» Его голос был как железо, но мальчик не испугался.

«Мне было весело». Он заявил угрюмо;

— Это твое оправдание? Мальчик пожал плечами, и Нед снова почувствовал, как в нем нарастает гнев. «Джон, я тебя спрашиваю, не заставляй меня повторять, почему ты ушел на этот раз?»

Его сын смотрел на него, полный боли, и по какой-то причине он не хотел больше знать. «Леди Старк планирует мероприятие в честь именин Сансы, и она сказала мне убираться к черту, потому что такому человеку, как я, не подобает быть на вечеринке. Я пошел с Роббом, чтобы помочь ей, но она приказала, чтобы я не попадался ей на глаза». Мальчик выпалил на одном дыхании.

Его сердце немного сжалось, когда он заметил печаль своего сына. Он знал, что его жена

организует небольшую вечеринку в честь Сансы, на которую придут семьи его знаменосцев. Они не устраивали много встреч, но когда они это делали, Кейтилин старалась держать Джона в страхе, так же, как она, вероятно, делала сейчас. В этом ей помог отстраненный характер Джона. Некоторые назвали бы это меланхоликом, точно так же, как меланхоликом Рейгар.

На самом деле, как бы сильно он ни хотел избавиться от Таргариенов — особенно от Рейгара Таргариена, — Джон во многом стал похож на своего отца. Его высокие и острые скулы, угловатые черты лица, прямой нос, форма челюсти, худощавая фигура — все это было от короля. К счастью, он унаследовал глаза и волосы Лианны, черные и прямые, ее губы и хмурый взгляд, а также ее бледную кожу — последнее, что на самом деле могло быть унаследовано от его отца. Его личность во многом была такой же, потому что Джон умел превзойти все, что он задумал. Давным-давно, когда Рейгар был еще переоцененным серебряным принцем, до Неда также доходили слухи о способности принца быть хорошим во всем — скучным и надоедливым совершенством, как называл его Брендон, — с пристрастием играть на арфе и петь, последнее, черта, которую разделял Джон. Однако эта порывистость и упрямство были ему родственными.

Его размышления натолкнули его на мысль, как принудить мальчика, который все еще хмурился и молчал. «Джон, я думаю о твоих именинах, которые приближаются, и о подходящем для тебя подарке». Это вызвало интерес мальчика. «Что вы думаете об арфе? Я могу достать вам один; и учитель, чтобы дать вам несколько уроков».

Джон встал и быстро встал перед ним, забыв всю боль в руке. — Как барды, которые пришли сюда?

— Да, прямо как они. Ты любишь петь, а арфа — хороший инструмент для любого певца».

Его сын просиял и склонился над столом, извиваясь от волнения. «Это отличный подарок! Лучше всех! Когда я смогу его получить?».

— Есть условия, — резко заявил Нед, и Джон с подозрением попятился, ожидая, пока отец продолжит. — Я не хочу, чтобы ты уезжал из Винтерфелла, никому не сообщив об этом, и не более чем на несколько часов. Никогда больше. Если вы это сделаете, вы можете забыть об арфе. Ты понимаешь?"

Он мог бы попытаться подкупить Джона другими своими увлечениями, такими как верховая езда, чтение, поедание сладостей и обучение фехтованию. Однако арфа была уникальной, и ее легко было конфисковать, если мальчик ослушается. Джон обдумал свои варианты и, что неудивительно, попытался заключить сделку.

«Только две недели». — произнес он властно, с самодовольным выражением лица.

"Что ты имеешь в виду?" — смущенно спросил Эддард.

— Ты заберешь арфу только на две недели, если я не послушаюсь. Не навсегда. Это мое условие. Джон объяснил, его нос даже выше, чем раньше.

Что в основном означает, что он намерен не подчиняться. Брат.

Прежде чем он успел лишить Джона своей дерзости, они услышали тихий стук в дверь. Робб вошел раньше любого приглашения и сел рядом со своим братом, как будто он имел какое-то право быть там. Его растрепанные каштановые волосы и меховой плащ были покрыты снегом, что означало, что он пришел прямо снаружи, а в сапогах была грязь, которая оставляла отпечатки на его пути в комнату. Он размышлял, должен ли он заставить своего сына убрать

беспорядок до или после того, как он закончит свои дела с братом. Наглость распространяется как чума.

— Все еще болит? — спросил Робб Джона, тыкая в перевязанную руку, полностью игнорируя Эддарда.

"Не так много." — ответил Джон, внезапно снова почувствовав свою руку.

«Ты слишком устал или можешь играть сейчас?» Рыжий мальчик с надеждой умолял своего брата. — Я хотел построить тот форт, о котором ты говорил, и тогда мы сможем позвать больше парней в Зимнем Городе и попытаться его атаковать. Я ждал тебя."

Робб был тем, кто пилил его больше всего, когда Джон совершал свои маленькие побеги, а за ним следовала Арья. Оба они полагались на своего брата, чтобы шалить и играть на улице, в основном потому, что у Джона не было проблем с нарушением правил, чтобы они могли влезть в любые шалости, которые захотят.

«Конечно, я могу играть. Мейстер Лювин говорит, что мне нужно быть осторожным только с рукой, но я могу все. Я буду отвечать за форт, потому что это была моя идея. Нам нужно оружие и доспехи! И тогда ты можешь вести одну группу, а я другую, но я не хочу, чтобы Вилли был в моей...». Джон сдержал свои интриги и повернулся к отцу, вспомнив, зачем он здесь. — Но сначала я должен обсудить условия моего подарка. Он объяснил своему брату серьезно.

Абсурдность перехода от наказания сына к подарку не ускользнула от Неда. Кейтилин будет бляять без конца.

Устав от того, что два маленьких дерзких негодяя отвергают его и игнорируют, Эддард решил, что с него хватит.

« Ты пойдешь в свою комнату, подумай о том, что ты сделал. Один месяц заземления, никаких игр, никаких развлечений». Он сказал Джону, который широко раскрыл свои большие серебристые глаза, потрясенные, затем повернулся к Роббу. — А ты вымоешь пол, запачканный грязью, а потом поищешь септу Мордейн и попросишь у нее урок, как входить в комнаты, в которые тебя не приглашали.

Мальчики начали выигрывать, но Эддард был полон решимости, он был сыт на сегодня. Он поднялся и повел их, пока его не прервал Джон, который вырвался из его хватки. — А мой подарок? — возмущенно спросил он.

— Ты получишь это на моих условиях. А теперь выходи». Нед вытолкнул их, прежде чем Джон успел возразить, и вздохнул с облегчением. Наконец-то тишина и покой.

<http://tl.rulate.ru/book/80375/2442732>